

Преступность и криминогенность как предметные области философско-правового анализа

Преступность и криминогенность общественных отношений рассматриваются в качестве объективных категорий, присущих государству и обществу на всех стадиях исторического развития и в таком понимании представляющих предмет философско-правового анализа.

Crime and criminality public relations are regarded as objective categories inherent in the state and society at all stages of historical development, and in this sense the object representing the philosophical and legal analysis.

Ключевые слова: теория права, философия права, преступность, криминогенность общественных отношений, криминальные нормы, криминальная активность, агрессия.

Key words: theory of law, philosophy of law, crime, the crime of public relations, criminal rules, criminal activity, aggression.

1. О соотношении философии и теории права

Философия права как наука есть сфера нового знания о праве получаемого как представителями общей философии, так и юристами. Философ исследует право как социокультурное явление, не углубляясь в формальную и содержательную конкретику правотворчества и правореализации. В *философском* понимании философии права исследователю, как правило являющемуся «выходцем из недр философии»¹, важно, что право есть как явление, но не важно, что есть право как юридическая конструкция. В таком понимании, наряду с философией права, говорить о философии государства, философии общества, философии экономики, философии медицины и т. п. В *юридическом* контексте философия права представляется метатеорией, объединяющей достижения теоретической, отраслевой, прикладной юриспруденции и использующей философские методы познания, позволяющие выйти

© Ромашов Р.А., 2015

¹ *Захарцев С.И.* Некоторые проблемы теории и философии права: моногр. / под ред. В.П. Сальникова. М.: Норма, 2014. С. 9.

за пределы и ограничения знания, сформировавшегося в отдельных научных дисциплинах.

В том случае, если дифференцировать теорию и философию права, следует прежде всего разделить их предметную область. Пока мы этого не сделаем, дискуссии о том, является ли философия права частью теории права и как эти направления соотносятся друг с другом, будут продолжаться². В предмет философии права могут быть включены такие «общетеоретические» темы, как «Право в системе социальных норм (правил)», «Право, общество, личность», «Принципы права», «Типология правопонимания», «Правосознание и правовая культура», «Правовые системы современного мира», «Право и мораль». К собственно философским вопросам следует отнести проблемы аксиологии, гносеологии, онтологии, методологии прав, справедливости права, соотношения объективного и субъективного права; юридического права и «неправа» и др.

Теория права по отношению к философии права будет выступать в качестве науки «первого уровня», изучающей общие (в рамках той или иной правовой системы на определенном этапе ее функционирования) понятия, принципы, закономерности, характеризующие правовую реальность и задающие единый контекст правотворческой и правореализационной деятельности. Практически во всех отечественных учебниках по теории государства и права право рассматривается в рамках «постсоветского» подхода, предполагающего схоластическое объединение плюралистического правопонимания и позитивистской юридической техники. Кроме того, если проанализировать структуру и содержание курса теории права, то становится очевидным, что это преимущественно теория права, регламентирующего правомерное поведение. Теории правонарушения и юридической ответственности уделяется внимание только в одном тематическом блоке «Правонарушение и юридическая ответственность». Традиционно вопросы, касающиеся теории, социологии, истории преступления, рассматриваются криминологией, а вопросы, связанные с анализом отраслевых проступков и ответственности за них, – соответствующими отраслевыми науками. Не пытаясь оспорить такой подход, вместе с тем следует в рамках *общей* (курсив наш – Р.Р.) теории права ответить на вопрос о соотношении права и правонарушения, и если признать, что правонарушение есть элемент права, то уделять его исследованию более глубокое внимание.

² См.: Сорокина Ю.В. Введение в философию права: курс лекций. М.: Норма, 2008. С. 17.

Теория права в таком понимании носит практико-ориентированный (инструментальный) характер и имеет своей основной задачей обобщенный анализ права в его современном («живом») состоянии. С учетом многополярности современного мира и многочисленности составляющих его цивилизаций и культур можно говорить о многочисленности правовых систем (как национальных, так и международных), задействованных в правовом регулировании и находящихся друг с другом как в диалоговых, так и в конфликтных отношениях.

Абстрагирование философии права от конкретики юридической материи и практики (процесса), с одной стороны, придает ее основополагающим постулатом фундаментальность и временную неизменность, а с другой стороны, обуславливает ситуацию, когда философско-правовой гносеологией, онтологией, аксиологией интересуются преимущественно «кабинетные ученые», изучающие право в отрыве от политико-правовой реальности и находящие приложение своих исследований в сугубо теоретических концепциях. Этим обстоятельством, кстати, объясняется то, что специализируются на «философско-правовом подходе в анализе и обобщении правовых отношений» в абсолютном большинстве случаев представители «первой» юридической научной специальности, чем и обусловлено смешение теории, истории и философии права.

2. Преступление как предмет теоретико-философского анализа

Философское понимание права исходит из противопоставления феноменов «право» и «преступление». Преступление в силу своей «антиправовой» природы выходит за рамки философско-правового исследования. В последнее время появились работы, касающиеся философии преступления, в которых в качестве предмета рассматриваются преступление и преступность: «Философия преступления и наказания» (И. М. Рагимов, 2013); «Философия зла и философия преступности» (А. И. Александров, 2013); «Философия преступности. Проблемы криминализации российского общества» (А. П. Дубнов, В. А. Дубовцев. Екатеринбург, 1999) и др. Перечисленные и подобные им работы представляют собой авторские попытки выйти за жесткие рамки, очерченные научными специальностями криминального цикла, и использовать понятийный аппарат и методологию философии для расширенной трактовки таких «узкопрофессиональных» категорий, как «преступление», «преступность», «преступник», «наказание». Приветствуя сам факт обращения внимания со стороны представителей уголовно-правовой и криминологической науки в сторону философии и теории права, вместе с тем считаем необходимым отметить определенную односторонность работ в этой обла-

сти. Преступление и наказание по-прежнему представляются как область «черного», форма воплощения человеческого зла в его юридическом измерении. Отчасти соглашаясь с таким подходом, считаем возможным его расширение. Преступление в юридическом понимании – неотъемлемая часть права. Не является преступлением деяние, прямо не предусмотренное в качестве такового в уголовном законе. Точно так же нельзя признать человека виновным в совершении преступления вне установленной законом процедуры и во внесудебном порядке. Наконец, к виновному не может быть применено наказание, не установленное законом. Таким образом, преступление не существует вне правового поля. Следовательно, философия преступления неразрывно связана с философией права и является ее структурно-содержательной частью. Попытку рассмотрения права и преступления в их взаимодействии и взаимной обусловленности предпринимают Р.А. Ромашов и Е.В. Пеньковский в монографии «Философия права и преступления» (2015). Право и преступление для авторов выступают в качестве двойственной формы культуры, возникающей на определенной стадии социального развития и трансформирующейся вместе с изменяющимися общественными отношениями³.

Преступление – такой же элемент культуры и форма ее выражения, как и право, более того, при помощи правовых средств нередко осуществляются различные злоупотребления, а преступление в ряде случаев совершается для достижения личного или общественного блага.

Применительно к философскому пониманию преступления последнее есть некий поведенческий акт, результат индивидуального или коллективного волеизъявления, направленный на нарушение правового порядка. Однако сам порядок, сложившийся в обществе на определенном историческом этапе, по объективным причинам не является идеальным и содержит в себе нормы, являющиеся предпосылками преступлений. Кроме того, история дает немало примеров тому, как один и тот же поступок (печать литературы экстремистского характера, ограбление банка представителями нелегальной политической партии) оценивается и как преступление, и как героизм во имя «святых революционных идеалов». Возможна и обратная ситуация. Признание факта массовых репрессий в СССР в 30-е гг. повлекло столь же массовую реабилитацию обвиненных по «вредительским» статьям, когда уже то обстоятельство, что человек был признан «врагом народа» и «иностранным агентом», воспринималось впоследствии как основание признания обвинения незаконным.

³ См.: Ромашов Р.А., Пеньковский Е.В. Философия права и преступления. СПб.: Алетейя, 2015. С. 205.

Философия преступления, также как и философия права, оперирует этими понятиями как абстракциями, существующими обособленно и самостоятельно от реальных отношений, возникающих между реальными людьми. Людям во все время было свойственно стремление к упорядочению общественных отношений и одновременно к разрушению сложившихся традиций и стереотипов.

Современный мир находится на переходном этапе, что обуславливает потребность в философском и философско-правовом осмыслении как его нынешнего состояния (вопрос «в каком мире мы живем?»), так и определении путей и перспектив обозримого будущего. В связи с этим актуализируются проблемы теоретико-философского осмысления современного государства и права вообще и феноменов «преступление» и преступность, как структурно-функциональных элементов политико-правовой системы, в частности.

3. Философско-правовые основания криминализации общества

Отнесение преступления и преступности к числу объективных категорий позволяет говорить о том, что криминальные тенденции и направленности характерны для любых типов общественных организаций на всех исторических этапах их существования. Криминализация по своей природе есть не что иное как форма социализации – адаптации человека (группы людей) к общественному порядку, базирующемуся на криминальных нормах и традициях.

Конечно, говоря о криминальном порядке, криминальных нормах и традициях, криминальных отношениях, следует иметь в виду, что в «чистом» виде они встречаются все реже и реже. «Воры в законе» сегодня предпочитают иметь статус уважаемых властью и обществом бизнесменов, а иногда и «народных представителей», разговаривают, по крайней мере на публике, на нормальном русском языке, а не на «фене», имеют семьи, серьезные капиталы и материальные активы. Даже в тюремной среде «смотрители» и «положенцы» не афишируют своего «высокого положения» в криминальной иерархии, руководствуясь в первую очередь элементарным стремлением к собственной безопасности и нежеланием вступать в открытый конфликт с сотрудниками администрации учреждений уголовно-исполнительной системы. Однако не признавать того, что значительная часть общества рассматривает преступление как нормальный инструмент решения собственных проблем, а криминальный порядок взаимодействия – как приоритетный и предпочтительный по отношению к правовому, нельзя. Криминальные нормы проникают в общественную среду подобно тому, как в организм проникают болезнетворные микробы. И в принципе, ничего страшного в этом нет.

Здоровый организм, обладающий сильным иммунитетом, способен самостоятельно справиться с заболеванием, если же сил одного организма не хватает, на помощь должны прийти квалифицированные и гуманные врачи. Вот только очень плохо, когда человека с ослабленным иммунитетом берет «лечить» врач, который сам является носителем и распространителем смертельной инфекции.

Говоря об угрозе и степени «криминальной зараженности» как отдельных людей, так и общества в целом, следует учитывать тип социальной организации, в масштабах которой происходит криминализация.

Все человеческие коллективы, независимо от их юридической оценки, можно объединить в две типовые группы: системоцентричные и эгоцентричные. В основу системоцентричных организаций положен постулат о первичности и приоритетности общественного по отношению к личному. Личность – неотъемлемая часть системы общества. Само название «общество» свидетельствует о том, что у отдельного его представителя нет ничего своего, того, что принадлежит только ему, и чем только он может свободно распоряжаться. В обществе все общее: общие цели и задачи развития, собственность, история и традиции. Индивид, ставящий собственные интересы на первый план, воспринимается как нарушитель общего порядка и негативно воспринимается «нормальными» общинниками.

Эгоцентризм рассматривает человека, его права и свободы в качестве первичной и основной ценности. Коллектив есть союз формально равных человеческих личностей, выступающих в качестве самостоятельных и свободных субъектов права, обладающих правовым статусом, в структуру которого входят, в том числе права и законные интересы, не подлежащие ограничению никем (и в первую очередь государством), ни при каких обстоятельствах.

Полагаем, что говорить о криминализации общества можно, прежде всего применительно к системоцентричным организациям, выступающим в качестве единых социальных образований, своего рода «коллективных людей». Если вновь вернуться к аналогии «преступность-заболеваемость», то криминализация системоцентричного общества сравнима с эпидемией, охватывающей не просто отдельных людей, а целые населенные пункты, районы, государства. Применительно к обществам эгоцентричного типа можно и нужно говорить о тенденциях криминализации/декриминализации общественных отношений (миграционных, экономических, политических и т. п.), но не общества в целом. Ведь если общество не есть единый организм, а совокупность равноправных и равнообязанных партнеров, руководствующихся в своей деятельности самостоятельными целевыми установками и ориенти-

рующимися в общественной деятельности на собственные интересы, то и криминализации подвержено не общество, а отдельные его представители, а также определенные направления общественной жизнедеятельности.

Какие факторы оказывают наиболее сильное влияние на криминализацию правового сознания и правового поведения граждан и, как следствие, на криминализацию общественных отношений? Прежде всего, это уровень социально-политической и экономической стабильности. Как показывает сравнительно-исторический анализ в обществах, не претерпевших глобальных социально-политических потрясений и развивающихся в рамках эволюционирующей государственной традиции, состояние криминалитета и уровень криминализации, оставались и остаются в пределах нормы, не представляющей угрозы для жизнедеятельности общества и государства в целом.

По мнению В. Житенева, «Криминализация российского общества, возникшая в результате исторически мгновенного слома советского строя, связана с высвобождением рожденной в недрах тоталитарной системы огромной социальной энергии деструктивного характера и возникновением новых криминальных субъектов, включая само государство. Для этих субъектов не существует понятия социальной нормы обогащения, т. е. не существует различия между социально-нормальными, корыстными и преступными способами как постсоциалистического приобретения (накопления) собственности, так и способами капитализации денег, имущества, интеллектуальных ресурсов, предпринимательских и иных способностей. Цивилизованный дух западного капитализма, возвращенный протестантской этикой обязательности, расчета, трудолюбия, социально-скромного, а не демонстративно-престижного потребления (М. Вебер), в российских условиях постсоциалистической стадии развития имеет ничтожно малый вес в сообществе экономических субъектов»⁴. В данном случае имеет место как раз то обстоятельство, на котором нами акцентировалось внимание при анализе специфики рассмотрения права и преступления представителями классической философии. Отсутствие конструктивного подхода к восприятию права и преступления как объективных системных категорий, в равной степени присущих тоталитаризму и демократии, православию, католицизму и протестантизму, обуславливает использование штампов, выхолащивающих научную составляющую работ и придающую им пропагандистско-публицистический характер. На наш взгляд, анализ отечественной и зарубежной истории позво-

⁴ Дубнов А.П., Дубовцев В.А. Философия преступности: проблемы криминализации российского общества / под ред. В.Б. Житенева. Екатеринбург: Изд. дом «Ява», 1999. С. 6.

ляет с высокой степенью уверенности говорить о том, что в государствах с устойчивыми политическими режимами, независимо от их типа, уровень общеуголовной преступности имел тенденцию к снижению. Вместе с тем существует определенный минимальный предел сохранения «криминальной активности», ниже которого криминализация, характеризующая состояние преступности, не опускается, независимо от формы государства и уровня общественного благосостояния. Преступность есть в любом государстве, на любом этапе его развития. В уже отмечавшейся нами работе И.М. Рагимова «Философия преступления и наказания» предпринимается попытка рассмотрения категорий «философия преступления» и «философия преступности»⁵. Полагаем, что если рассматривать преступление и преступность как предметы философского анализа, то следует в первую очередь отказаться от уголовно-правовой характеристики преступления как деяния, противоправный и виновный характер которого определен в действующем уголовном законе. Ведь если принять за основу этот тезис, то логично предположить, что в случае отмены уголовного закона, перестает существовать и нормативная модель преступления, что естественно не означает исчезновения преступления и преступности как объективных социальных явлений. Действительно, соотношение преступления и преступности это соотношение части и целого. Вместе с тем преступность не есть механическая совокупность выявленных и пресеченных преступлений. Точно так же как любой здоровый человек является носителем невыявленных заболеваний и болезнетворных микроорганизмов, общество включает в себя как людей, потенциально готовых к совершению преступлений, так и тех, кто, совершая преступления, по различным причинам не подвергается уголовному преследованию, ответственности и наказанию.

Криминализация общественных отношений усиливается тогда, когда ослабевает эффективность государственного правоохранительного механизма. При этом вопрос, на чем основывался официальный правопорядок: на социально-активном, традиционном или маргинальном правомерном поведении, носит производный характер. В стабильных традиционных обществах, безусловно, главенствуют правовые традиции, основанные на уважении исторического опыта и преемственности предшествующих и современных поколений. В социальных системах, претерпевших революционные изменения, на первом месте в системе инструментов правового регу-

⁵ См. Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. СПб.: Изд. дом Р. Асланова «Юрид. центр», 2013. С. 26–43.

лирования стоит страх перед наказанием. Ослабление страха перед легальным принуждением обуславливает усиление тенденции, названной социально-правовой аномией⁶, кульминацией которой является «скатывание» общества в обстановку «политико-правового» хаоса, когда криминализация общественных отношений достигает своего максимума. Анализируя новейшую отечественную историю, следует выделить два «пика» криминальной активности: 1917–1920 гг. и 1990–1994 гг. В указанные периоды наблюдается максимальное ослабление государственного механизма регулятивно-охранительной деятельности практически во всех областях общественной жизни и заполнение возникшей лакуны криминальным квазирегулированием. При этом говорить о ситуации, возникшей в конце XX в., как о наследии тоталитарного советского прошлого, столь же непродуктивно, как применительно к началу того же века говорить о преступности как о наследии царизма. Россия на всех стадиях своего развития демонстрировала и демонстрирует крайне пренебрежительное отношение к собственному историческому прошлому. Отрицание предшествующего опыта, сопровождаемое пропагандой мифологемы Великой России, не способствует ни усилению патриотизма, ни международному авторитету. Вместе с тем резкие смены политико-правовых курсов, происходящие в короткие (по историческим меркам) временные промежутки, девальвируют ценность официального права в системе объективных социальных регуляторов и одновременно повышают общественную значимость криминальных средств. Переживающее непрерывные реформационные изменения общество объективно подвержено криминальным девиациям.

⁶ См.: Ромашов Р.А. Конфликтология: учеб. пособие. СПб., 2006. С. 98–99.